

Месса
Лина

Инструкция
по приручению
короля
(во сне и наяву)

18+

Месса Лина

Инструкция по приручению короля (во сне и наяву)

<https://litres.ru/74236573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если ваш котел плюется щелоком прямо на вас, а арендатор грозит выставить на улицу, жизнь вряд ли назовешь сахарной. Риата — хозяйка крошечной мыловарни, у которой нет времени на сказки. Но от безысходности она покупает на ночном рынке странный ловец снов.

И все бы ничего, но теперь каждую ночь она проваливается в роскошный мир мужчины, который раздражающе красив, невыносимо заносчив и... искренне считает этот сон своим.

Он называет ее Лавандой. Она зовет его просто Джоном. Они спорят о цветах, делятся наболевшим и сгорают от запретной страсти, свято веря, что утром оба проснутся в разных реальностях.

Содержание

Глава 1	4
Г	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Инструкция по приручению короля (во сне и наяву)

Глава 1

Если котел плюется щелоком, то это просто неприятность.

Если он делает это точь в точь тогда, когда в лавку входит самая придирчивая покупательница нашего квартала, то это уже дурное предзнаменование.

Я отшатнулась, едва не наступила на корзину с сушеной ромашкой и успела заслонить собой полку с готовым товаром. Горячая капля угодила на носок моего правого башмака, от чего кожа сердито зашипела.

— Все под контролем, — улыбнувшись, объявила я, видя как госпожа Герта, едва успев переступить порог, остановилась, а ее глаза сузились до размера гурта.

Котел за моей спиной булькнул, как будто бы подтверждая мои слова, — или наоборот пытался уличить меня во лжи.

— У тебя что-то горит, — наконец подала голос госпожа Герта.

— Нет-нет, — я слегка отошла от котла, чтобы он не брызнул щелоком еще и на меня. — Просто варится.

— А дым откуда? — принюхавшись как собака, спросила Герта.

Я вдохнула смесь едкого щелока, перегретого масла и лаванды, которую из-за яркого запаха явно добавила раньше, чем следовало. А потом заметила, как Герта перевела красноречивый взгляд на мой дымящийся башмак.

Да, действительно был дым. Упс.

Я прижала носок к каменному полу, затушила его и улыбнулась самой ярчайшей улыбкой, на которую еще только была способна хозяйка мыловарни в рабочем фартуке, растрепанная и с белыми полосами соды на щеке.

— Что для вас подобрать, госпожа Герта?

— Ничего мне не надо подбирать. Я свое принесла.

На прилавок лег серо-коричневый брусочек хозяйственного мыла. Вернее, то, что от него осталось после трех недель ожесточенной борьбы с грязной посудой, воротниками, печной сажей и, судя по глубоким царапинам, каким-то особенно упрямым предметом домашней утвари.

— Оно закончилось, — сообщила госпожа Герта.

— Вижу.

— Слишком быстро.

— Но вы же им пользовались.

— Разумеется. Для чего же еще я его покупала?

Я открыла рот, закрыла и мысленно напомнила себе, что аренда за лавку сама себя не заплатит. Потом еще раз. И еще. На третий раз это почти помогло сформировать в голове хоть какой-то более менее приличный ответ.

— Одного такого бруска обычно хватает на две-три неде-

ли, — терпеливо объяснила я. — Вы купили его двадцать два дня назад.

— Значит, в прошлый раз он был больше.

— Он был точно такого же веса.

— Но выглядел больше.

Герта нахмурилась, я натянуто улыбнулась, не зная, что на это ответить.

За занавеской, отделявшей торговый зал от мастерской, снова сердито забулькал котел. Теперь уже с угрозой. Если мыльная масса убежит, на полу образуется липкое озеро, отмывать которое придется тем же мылом, что еще не успело свариться. Я придвинула к покупательнице корзину с готовыми брусками.

— Я дам вам новый со скидкой в один медяк.

— В два.

— Нет, в один.

— И мешочек соды.

— Щепотку.

— Полмешочка.

— Доброй ночи, госпожа Герта.

— Четверть.

Через несколько мучительных минут покупательница ушла, унося хозяйственное мыло, добрую щепоть соды с таким выражением лица, словно только что спасла семейное состояние от бессовестной мыловарщицы.

Колокольчик над дверью еще не успел умолкнуть, когда я

рванула в мастерскую.

Котел встретил меня пенным валом.

— Только попробуй, — прошипела я, хватаясь за длинную деревянную мешалку. — Я тебя на подсвечники переплавлю!

К вечеру моя лавка «Пена и травы» пахла одновременно лавандой, миндалем, золой, горелой кожей и поражением.

Ну хоть мыло удалось спасти, в отличие от моей одежды.

Я разлила густую массу по формам, соскребла остатки со стенок котла и накрыла каждую форму чистым полотном. Через несколько дней останется разрезать пласт на ровные бруски. Через месяц, когда мыло дозреет, от утренней катастрофы останутся только нежный сиреневый цвет и теплый аромат сладкого миндаля.

Покупатели будут нюхать его, улыбаться и говорить, как легко, должно быть, целыми днями возиться с цветами и маслами.

И я никого не стану разубеждать в обратном.

Я любила свою работу. Любила тот короткий миг, когда жидкая смесь вдруг начинала густеть под мешалкой. Любила подбирать запахи, сушить травы под потолком, вынимать из деревянных форм гладкие бруски и ставить на них маленькую печать в виде листа. Особенно медяки любила пересчитывать — при условии, что их оказывалось больше, чем счетов.

Но сегодня, увы, был не такой день.

На столе лежали три бумаги.

В первой поставщик сообщал, что обещанная лаванда «по независящим от него обстоятельствам» превратилась в два мешка чабреца. Во второй хозяин здания напоминал об аренде. В третьей гильдия ремесленников требовала внести ежегодный сбор до конца недели.

Я устало потеряла переносицу. За окном уже давно стемнело, соседние лавки одна за другой закрылись, хлопали ставни, оставляя только скрип вывесок. По улице тянулся запах жареного лука из таверны напротив, отчего мой желудок отозвался жалобным урчанием.

Я пообещала себе поужинать сразу, как сведу счета. Потом — сразу, как вымою котел. Потом — сразу, после того как сниму травы и повешу новые, а еще надо перетянуть рассыпавшийся утром пучок мяты...

Когда я наконец разобралась с делами и вспомнила об ужине, луковый запах уже давно исчез, а из таверны теперь доносился только пьяный хор, едва умудравшийся попасть в правильные ноты.

Я открыла книгу учета и посмотрела на старые записи, внося новые.

Вчера я заработала пять медяков, сегодня семь.

Я посмотрела на прожженный башмак и вздохнула. Новые обойдутся минимум в тринадцать медяков.

— Значит так, Риата, — я хлопнула рукой по столу. — Будем считать, что это не дырка, а рабочая дополнительная

вентиляция.

Сама шутка, которая ей особо и не была, показалась мне такой смешной в моменте, что я уронила лоб на сложенные руки и несколько мгновений истерически беззвучно тряслась. Только вот это был не смех.

Нет, плакать я тоже не собиралась. Во-первых на слезы требовались силы, которых у меня уже просто не было. Во-вторых, пора спать.

Я подняла голову, закрыла книгу и с трудом заставила себя встать.

Дверь лавки я запирала уже в полной темноте. Над крышами висела круглая луна, мостовая блестела после недавнего дождя, и редкие прохожие торопились по домам. Оставалось только подняться в свою комнату на втором этаже, съесть кусок вчерашнего хлеба с сыром и лечь спать.

Но для начала нужно было закончить то, что я не сделала в течение дня. Купить чертову лаванду.

Утренний рынок откроется не скоро, зато на площади у западных ворот до полуночи торгуют заезжие купцы. Иногда там можно найти хорошие травы. А иногда только сушеных ящериц, поддельные любовные зелья и ковры, которые выглядели так, словно прежние владельцы на них до этого скончались.

И сегодня, как назло, выбор клонился больше ко второму варианту.

Я прошла вдоль рядов с амулетами от сглаза, лотки с за-

сахаренными орехами и палатку, где мужчина в звездчатом халате обещал узнать будущее по форме локтя. Лаванды ни у кого не было.

Я уже собиралась возвращаться домой, как вдруг услышала фразу, кинутую мне в спину:

— Крепкий сон молодой госпоже не требуется?

Я остановилась.

На краю площади, где свет фонарей едва дотягивался до мокрой мостовой, стояла крошечная телега. Ее хозяин — тощий старик в меховой шапке, несмотря на теплый вечер, — сидел среди ящиков, свертков и предметов, назначение которых не смог бы определить даже самый отчаянный человек.

— Кому в наше время не требуется крепкий сон? — ответила я вопросом на вопрос, но все равно подошла ближе. — Для этого есть кровать.

— Ээээ, нееэ, кровать дает отдых только телу. А это, — старик поднял над головой нечто круглое, — дарует покой разуму.

Предмет представлял собой кривое кольцо из тонких веток. Внутри была натянута паутина из серых нитей, украшенная тремя деревянными бусинами, двумя шишками и клоком светлой шерсти. Снизу болтались перья. Одно было сломано, второе смотрело вбок, третье, кажется, принадлежало городской вороне.

— И что это?

— Ловец снов. Редчайший северный амулет. Дурные сны запутываются в паутине, а добрые спускаются по перьям прямо к спящему.

Я протянула руку, едва касаясь одной из шишек. Та отвалилась. покотившись по мостовой.

— Редчайший, — повторила я.

— Ручная работа.

— Заметно...

Торговец словно видя мои сомнения прижал амулет к груди.

— Молодая госпожа смеется над тем, чего не понимает. Этот ловец сплетен слепой ведуньей из корней дерева, в которое семь раз ударила молния.

— Это и объясняет его форму.

— Вплетенная шерсть принадлежала белому зверю, что приходит только к людям с чистым сердцем.

Я присмотрелась.

— Козе?

— Загадочному белому зверю.

— Выглядит как коза.

Старик тяжело вздохнул, словно всю жизнь мечтал встретить покупательницу с менее приземленным складом ума.

— Один серебряный.

Я развернулась.

— Полсеребряного.

Я сделала два шага.

— Десять медяков!

Еще два.

— Пять, и я понесу убыток!

Я остановилась.

Пять медяков были почти всей сегодняшней прибылью. За эти деньги можно было купить хлеб, сыр и починить башмак. Вернее, начать откладывать на починку башмака.

Я вспомнила свою книгу учета, три неоплаченных счета и котел, который каждое утро пытался меня убить.

— Три.

— Четыре.

— Три и кусок хорошего мыла.

Старик покосился на белую полосу щелочи у меня на рукаве.

— Надеюсь, что ваше мыло также хорошо, как умение торговаться.

— В этом не сомневайтесь.

— Идет.

Через минуту я возвращалась домой с кривым ловцом снов под мышкой. Легкий ветер раскачивал перья, и сломанное то и дело щекотало меня по подбородку.

На полпути я начала подозревать, что совершила самую бессмысленную покупку за все двадцать семь лет своей жизни.

У двери лавки подозрение превратилось в уверенность.

В моей комнате над мастерской — тесной, теплой и вечно

пахнущей тем, что варилось этажом ниже, — амулет выглядел еще хуже. Я повертела его перед свечой. Ветки отбрасывали на стену ломаные тени. Козья шерсть слегка шевелилась от сквозняка.

— Три медяка, — сказала я вслух. — За дрова с веревкой.

Ловец снов не ответил и это было его самое разумное решение, потому что если бы он хоть скрипнул, то я разорвала бы его на щепки.

Можно было конечно просто выбросить эту покупку. Можно было бы отнести назад и попытаться вернуть деньги. Или разобрать его на растопу. Хотя веток едва бы хватило чтобы вскипятить ложку воды.

Вместо этого я вбила над кроватью кривой гвоздь, повесила на него кривой амулет и отступила, оценивая результат.

— Что ж... вы прекрасно смотрите вместе.

Едва я села на кровать, как она скрипнула подо мной. Я сняла башмаки, понимая, что сил на большее у меня уже не хватит. Фартук так и остался болтаться на талии, волосы — в растрепанной косе. Даже свечу я погасила просто накрыв подсвечник пустой кружкой: дотянуться и задуть огонь сейчас казалось непосильной задачей.

Последнее, о чем я подумала:

“Если мне приснится чертова коза, я найду этого старика”

Сначала я почувствовала тепло. Это была не духота моей комнаты, располагающаяся над остывающими котлами, не

было похоже и на сухой жар печи, обжигающий лицо. Скорее легкое солнечное тепло.

Потом я вдруг почувствовала запах, что для сна было абсолютно нетипично.

Я чувствовала влажную землю, мятую зеленую листву, цитрусовые цветы и ароматные розы.

Я открыла глаза.

Надо мной поднимался стеклянный купол. Он казался таким огромным, что под ним поместилась бы вся моя улица, вместе с лавками, таверной и необъемной госпожой Гертой. За прозрачными окнами синело безоблачное ночное небо. Было видно, что снаружи на стеклянном куполе то там, то здесь, лежал снег. Но внутри царило лето.

Вдоль мраморных дорожек струилась вода, в серебристых чашах росли деревья с невиданными ранее золотыми плодами. Тонкие изящные лианы обвивали белые колонны, а вдоль стен тянулись клумбы с цветами, которых я никогда не видела даже в дорогих травниках.

Я медленно повернулась вокруг себя.

Какое же наслаждение! Ни котлов, ни счетов, ни унылой лавки, которую давно пора ремонтировать. Если это была смерть, то такая смерть мне определенно была по душе.

Но я все же на всякий случай ущипнула себя за руку и это оказалось ощутимо больно!

— Невежливо разглядывать чужую собственность и не представиться.

За спиной раздался мужской голос.

Я обернулась, чтобы рассмотреть его обладателя.

Он стоял у фонтана, положив ладонь на каменный борт. Высокий и широкоплечий, одетый в темно-зеленый камзол с серебряной вышивкой. Выглядело это все так, словно один предмет одежды стоил больше, чем вся моя лавка со мной в придачу.

Густые черные волосы были зачесаны назад, но одна прядь все же выбивалась и падала на лоб, слегка смягчая лицо.

И словно “слегка” я использовала не просто так — все остальное в нем мягкостью не отличалось.

Прямой нос, жесткая линия рта, серые глаза и пронзительный взгляд, от которого хотелось спрятаться. Он смотрел на меня как инквизитор на ведьму, словно заставляя меня вспомнить все мои грехи за последние десять лет, а потом покаяться.

Но, чего таить, красив он был просто неприлично.

Он не был приятным, милым, симпатягой, как например булочник на нашей улице, который подкатывал ко мне иногда. Нет, он был красив так, что я даже сначала задержала дыхание, и только потом с трудом начала крутить в голове шестеренки, пытаюсь воззвать к здравому смыслу.

Но было у меня внутри небольшое ощущение, что мой здравый смысл остался где-то в настоящем мире.

— Я вовсе не разглядываю, — наконец-то я собрала все

самообладание в небольшой кулачок и ответила незнакомцу.
— Просто пытаюсь понять, почему я здесь и рядом со мной расфуфыренный мужчина.

— Расфуфыренный? — его взгляд стал еще холоднее, если это вообще было возможно.

— На рукавах так много вышивки, — я указала пальцем на тяжелые манжеты и сморщилась.

Он выпрямился, я сделала шаг назад. Мое подсознание нарисовало мне какого-то уж слишком уверенного в себе мужчину. Обычно мне доставались кавалеры попроще, так что я не знала, как себя вести. Все, что я знала — даже чертов свет ложился на него так, словно пытался подчеркнуть линию плеч, серебро на воротнике и невероятное лицо.

Ну и это в принципе меня убедило в том, что какой бы щепок не был болезненный — это всего лишь сон.

Да, яркий. Да, красивый. Да...да... можно сказать, что немножко сексуальный. Но все таки сон.

— Кто вы? — прямо спросил у меня незнакомец. — И как сюда попали?

— А как сюда обычно попадают? — я усмехнулась. — Легла спать.

— Сюда обычно никак не попадают. Здесь не может быть никого, кроме меня.

— Ну... тогда я вас разочарую, господин. Я уже тут и намерена осмотреться, раз уж мне представилась возможность.

— Назовите себя.

— Риата Вель. Хозяйка лавки “Пена и травы” на улице Старых Ткачей, — хотела сказать я.

Но вместо этого, язык мой онемел, а в ушах зазвенело так, что я не смогла выдавить из себя ни слова.

— Что с вами? — спросил он, внимательно изучая мое лицо.

— Ничего, — выдохнула я, когда приступ боли в ушах прошел.

Если честно, было в этом сне что-то неловкое в том, как он рассматривал мое лицо. Вполне обычное, ничем не примечательное, но в его взгляде я явно видела какую-то заинтересованность.

— Так что вы здесь делаете? — он снова начал задавать вопросы.

— Нет, это что вы здесь делаете? — я уперла руки в бока, ну каков наглец мне тут нарисовался.

— Это место создал я.

— Ну тогда представьтесь, о великий создатель.

— Я... — он резко сморщился. Было видно, что боль и звон атакуют его также сильно, как и меня. — Я...

— Не стоит, — я вздернула руку. Еще не хватало убить красавчика во сне из-за выдуманного имени. День и без того был тяжелый. — Я буду звать вас Джон.

— Джон? — Он даже рассмеялся от этой нелепицы. — Я похож на деревенского фермера?

— Что за предвзятости, Джон? Вы моя фантазия, как хо-

чу, так и называю.

— Я не ваша фантазия.

— Ну конечно, как скажете, Джон.

— И это не ваш сон.

— Конечно-конечно, — закивала я головой.

— Прекратите так со мной соглашаться. Мне не нравится ваш тон.

Я задумчиво оглядела его с ног до головы. Ну каков нахал!

— А каким тоном мне разговаривать с женщиной, который на полном серьезе заявляет, что какой-то сказочный зимний сад принадлежит ему?

Он сделал несколько шагов ко мне. Мрамор тихо стучал под его каблуками. Я сглотнула и, надо признаться, чуть-чуть испугалась, но виду не подала и лишь вздернула голову кверху.

— Это мой зимний сад, — через несколько шагов сказал он.

— Тогда смените садовника.

Незнакомец остановился.

— Что вы имеете в виду?

— Лунные розы нельзя сажать под прямым солнцем. Видите светлые пятна на листьях? Через две недели они уже сбросят бутоны, а могли бы еще цвести и цвести.

Мужчина посмотрел на цветы, а потом перевел взгляд на меня.

— Они просуществуют здесь столько, сколько я сам по-

желаю.

— Вы сноб и мучитель растений, — подытожила я, чувствуя разочарование. А такой потенциально сексуальный сон мог бы получиться, но даже во сне с мужчинами мне не везет!

— Они ненастоящие же, — словно пытаясь оправдаться промолвил он.

— Как и вы. Но я же не мучаю вас понапрасну!

Он едва заметно улыбнулся, услышав мои слова. Совсем чуть-чуть, настолько мимолетно, что я могла бы подумать, что мне показалось, но мне не показалось. Его безэмоциональное лицо вдруг стало еще более... красивым. Теперь он казался мне не просто фарфоровым красавчиком из сна, а как будто бы даже живым.

Незнакомец заметил, что я рассматриваю его лицо и в частности губы. И я заметила, что он это заметил, поэтому сразу же отвернулась к розам.

— В любом случае, — я попыталась скрыть дрожь в голосе. — Я вам тут ничего не портила, так что можете вернуться к своим важным делам. Что вы там делали? Стояли у фонтана? Смотрели на себя в отражении воды?

— Отдыхал в одиночестве.

— Что ж у вас плохо получается, вы как-то слишком напряжены для отдыхающего, — осмелилась сказать я, продолжая упорно любоваться цветочками. Ну не на него же смотреть!

— До сегодняшнего дня я отлично справлялся.

— Это потому что меня не было?

— Да, я бы предпочел, чтобы вы исчезли.

Он произнес это так буднично... и так обидно. А потом он махнул рукой, словно пытаясь меня развеять.

Воздух слегка дрогнул, вода в фонтане словно замерла на мгновение, а потом по стеклянному куполу пробежалась тень и... ничего.

Да, я почувствовала, как что-то попыталось разбудить меня, но это длилось буквально секунду, а потом все вернулось на круги своя.

Мужчина удивленно опустил руку. Сейчас на его лице, наверное впервые за время нашего “знакомства” появилось не раздражение, а удивление.

— Что? Не получилось? — участливо спросила я. — Потому что это мой сон.

— Подобный вывод лишен всякой логики. — Он сделал еще шаг в мою сторону и теперь нас разделяло расстояние в мою вытянутую руку. — Вы ведьма и захватили меня?

— Логика спит вместе со мной, — я вскинула руки, выставив вперед ладони. Еще не хватало ввязаться с красавчиком в драку.

Теперь я впервые почувствовала запах, что исходил от него. И это, с точки зрения моей работы, сводило меня с ума. От него не пахло дорогим ярким парфюмом, что душились богатые покупатели, скорее от него веяло тонким ароматом

чистой кожи и дорогого эфирного масла, который я была не в состоянии себе позволить.

Он тоже втянул запах и словно впервые посмотрел на меня внимательнее. Его взгляд скользнул по моей растрепанной косе, белой полосе на щеке, рабочему фартуку и остановился на руках. Мои пальцы были сухими от щелока, а на запястье темнел свежий след от горячего масла.

— От вас пахнет лавандой и миндалем, — словно удивившись этому открытию произнес он.

— Вам ли не знать, что я работаю мыловаром. Это мой новый сорт.

— Вы варите мыло во сне? — он явно все еще был удивлен происходящим.

— Почему во сне? — Что за вздор, еще чего! Работать во сне, работать наяву, может еще в гробу продолжить работать?! — Варила до сна!

Он нахмурился. Мой ответ, видимо, не вписывался в его представления о происходящем.

— Почему вы... — начал он, но вопросов было так много, что он не смог задать ни одного, а у меня вот один крутился на языке:

— Если вы все создали, то почему нельзя было представить меня в шелке? Красивой, хотя бы без пятен?!

Я недовольно дернула завязку на фартуке. Ну правда, стою в красивом сне, рядом с красивым мужчиной, а сама выгляжу как замарашка. Сон, алло!

Мужчина посмотрел на мое платье, ткань дрогнула. Грубый коричневый лен на мгновение размылся, будто отражение в воде и я даже увидела серебряные нити, которые блеснули в пространстве.

А потом... фартук остался фартуком. С пятном.

Незнакомец не верил своим глазам, это легко читалось в его выражении лица. Он протянул руку, словно желая проверить ткань на ощупь и я отступила.

Мой прожженный ботинок попал на гладкий край мраморной плиты. Я поскользнулась, взмахнула руками и наверняка познакомилась бы затылком с колонной, но мужчина успел поймать меня за талию.

Его вторая ладонь сомкнулась на моем запястье.

Все произошло как-то уж слишком быстро, схватил он меня слишком крепко и от него исходило слишком уж реальное тепло для сна.

Я замерла, не в силах пошевелиться.

Под его пальцами бился мой пульс, а под моей ладонью, которой я чисто случайно уперлась в его грудь, — его сердце. Я чувствовала каждый вдох, твердость мышц под камзолом и тепло тела, которое никакая уставшая фантазия не должна была воспроизводить с такой пугающей точностью.

Его серые глаза были совсем близко и взгляд его больше не был скучающим.

— Отпустите меня, Джон, — прошептала я.

Хотела сказать громко, четко и уверенно, а получилось

лишь томно проблеять это, буквально утонув в его взгляде.

Он сразу разжал руку. Я отступила, но отчетливо чувствовала жжение на пояснице там, где лежала его ладонь.

— Вы очень убедительная галлюцинация, — пробормотала я, стараясь разрядить обстановку.

— А вы на удивление тяжелая.

Я ошарашенно вскинула голову и увидела в его глазах явное мальчишеское удовлетворение — его слова достигли моих ушей.

— Я не это имел в виду, — с безупречной серьезностью добавил он. — Для бесплотного видения.

— Ну разумеется.

— Опять соглашаетесь со мной этим идиотским тоном.

— Все лучше, чем ваш.

— Это мой обычный тон, — без скромности заявил он.

— Тогда понятно, почему вы отдыхаете тут в одиночестве.

Он открыл рот, явно намереваясь мне что-то ответить. Потом закрыл его.

Совру, если скажу, что я не испытала удовлетворения от его замешательства.

— Никто не смеет разговаривать со мной подобным образом, — наконец произнес мужчина.

— Ничем не могу помочь, я буду разговаривать с вами так, как захочу. Может вам как раз этого и не хватает.

— Чего? Взбалмошной девицы в прожженном башмаке?

Я посмотрела вниз на свой ботинок и прикусила губу от

обида. Сон, черт тебя возьми, мог бы хоть ботинок исправить!

— Человека, который не со всем бы с вами соглашался и не бежал бы исполнять ваши приказы?

— Определенно нет, — сказал он и почему-то опять улыбнулся.

На этот раз чуть дольше предыдущего. И мне это совсем не понравилось. Вернее будет сказать, что мне понравилось слишком сильно. И ситуацию надо было как-то исправлять.

Так что я со всей своей природной грацией обошла его и прошла к мраморному столику, где все это время лежали какие-то пирожные.

Ммм... хрустящая корочка, ванильный крем, кислая ягодка внутри — я все-таки умерла и в раю? Тогда кто стоит у меня за спиной и ошарашенно смотрит, как я ем?

Вдруг я услышала звон и испуганно огляделась. О нет, это же колокол на городской площади! Неужели уже пора?

— Что ж, Джон, — не скрывая разочарования я быстро взяла еще одно пирожное и ловко закинула его в рот. — Надеюсь, что мы еще с вами увидимся!

— Сомневаюсь, что мое подсознание решит, что вы это заслужили.

— Не будьте букой, Джон, — успела сказать я, прежде чем колокол зазвонил еще раз, окончательно выбивая меня из сна.

Несколько мгновений я лежала неподвижно, глядя в по-

толок. Над кроватью покачивался кривой ловец снов, тело словно бы даже отдохнуло сильнее обычного. Даже голова была ясной.

Я села. На языке остался слабый слабый вкус ванильного крема.

— Ладно, — признала я. — Три медяка ты уже отработал.

Я резко открыл глаза.

В королевской спальне было темно. За тяжелыми шторами только-только поднимался рассвет. Огонь в камине почти погас. Несколько мгновений я лежал неподвижно, а затем поднес ладонь к лицу, я словно все еще чувствовал на ней запах лаванды.

Я сел, пытаюсь вспомнить все, что произошло во сне.

Зимний сад был моим убежищем. Даже наяву туда допускали только старшего садовника и двух безмолвных слуг. Во сне же я воссоздавал его каждый раз, когда хотел бы несколько часов побыть не правителем, не судьей и не символом короны, а просто человеком.

И еще никто и никогда не появлялся там без моего желания. Никто не сопротивлялся моей воле и уж точно никто не давал мне советов по уходу за цветами.

В дверь тихо постучали.

— Ваше Величество? — донесся осторожный голос камердинера. — Через час вас ожидают на утреннем совете.

Я посмотрел на свою ладонь.

Запах медленно исчезал.

— Ваше Величество?

— Я слышал.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.